

Ментальность, языковое поведение и национально-русское двуязычие

А.А. Бурыкин, Санкт-Петербург

Язык меньшинства как "тайный язык" в отечественном социокультурном контексте

Сюжет настоящей работы составляют некоторые специфические черты языкового поведения в двуязычном социуме, характерном для некоторых регионов России и для отдельных социопрофессиональных групп в полиэтничных крупных городах. Помимо основного предмета работы, который составляет использование языка этнического меньшинства в функции "тайного языка" при соприкосновении с этническим большинством, нам также представляется целесообразным наметить некоторые контуры более широкой темы "двуязычие и ментальность", хотя бы в отдельных аспектах этой проблемы, весьма значимой для различных областей лингвистики.

Нам придется начать с выяснения, казалось бы, общепонятной вещи: что такое двуязычие? И здесь мы с удивлением для себя обнаруживаем, что разные определения двуязычия по существу конфликтны друг с другом, причем сами причины разных определений отражают определенные расхожие бытовые или профессиональные представления.

Ю.Д. Дешериев в одной из своих работ определяет двуязычие или билингвизм как "свободное владение или просто владение двумя языками" [5. С. 22]. Сходное определение двуязычия принадлежит В.А. Аврорину: "Двуязычием следует признать одинаково свободное владение двумя языками. Иначе говоря, двуязычие начинается тогда, когда степень знания второго языка приближается вплотную к степени знания первого" [1. С. 51]. При этом и В.А. Аврорин и Ю.Д. Дешериев отмечают, что ранее такие же взгляды были высказаны Т.А. Бертагаевым, К.М. Мусаевым и С.Н. Оненко [4. С. 10-11]. Здесь уже необходим комментарий, и он оказывается довольно неожиданным. Как видим, среди сторонников подобного определения двуязычия преобладают те лингвисты, для которых русский язык не является родным: Ю.Д. Дешериев - чеченец, Т.А. Бертагаев - бурят, К.М. Мусаев - казах, С.Н. Оненко - нанаец. Иными словами, двуязычие в том понимании, какое бытовало в отечественной социолингвистике, оказывается исключительной привилегией тех, для кого русский язык не является родным. Те же говорящие по-русски, для которых русский язык есть родной язык, но они владеют каким-то другим языком - безразлично, английским, немецким, казахским, бурятским или нанайским - в этом случае из числа билингвов, или двуязычных индивидуумов, попросту элиминированы на вечные времена, что называется, по определению. Ю.Д. Дешериев однажды высказался: "Как следует из самого термина "двуязычие", имеется в виду свободное владение двумя языками - родным и русским" [4. С. 9]. Исходя из этой фразы, можно подумать, что двуязычие есть исключительно российский феномен, и другого двуязычия, очевидно, не бывает. По счастью, нам приходится говорить не о двуязычии, а об особом понимании двуязычия, причем по преимуществу в сильно политизированном и социализированном виде. Как заметил К.Х.Ханазаров, отношение государства к языкам - это политика, отношение к тому, кого считать двуязычным - тоже политика [8. С. 124]. Политический характер трактовки двуязычия в цитированных выше формулировках более чем очевиден.

Иное определение двуязычия мы находим в известной книге У. Вайнрайха "Языковые контакты": "Практику попеременного пользования двумя языками мы будем называть двуязычием, а лиц, ее осуществляющих, - двуязычными" [3. С. 22]. Здесь не указывается степень владения языками: просто подразумевается, что практика пользования языками по очереди уже предполагает самую возможность их

использования для коммуникации. Сходное определение, которое, правда, выглядит компромиссом между отечественной традицией и зарубежным опытом, дает В.Ю. Розенцвейг: "Под двуязычием обычно понимается владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой в зависимости от ситуации общения" [7. С. 9-10].

Социокультурные условия языкового контакта и двуязычия - это та тема, которая в отечественной науке практически не разрабатывалась, хотя основные направления исследований в этой области отчетливо обозначены в трудах, доступных в русском переводе, и читатель мог бы быть знаком с соответствующими идеями. У. Вайнрайх пишет в одной из своих работ: "окружающая среда может закреплять даже за каждым языком определенные темы и типы собеседников единым для всей группы образом. В одних обществах двуязычие находится под подозрением, в других окружено уважением. В одних обществах переключение с языка на язык допускается, в других - осуждается. Интерференция может разрешаться в одном языке и презираться в другом" [2. С. 55].

Рассматривая психологическую и социокультурную обстановку языкового контакта, У. Вайнрайх отмечает в числе формирующих ее факторов такие проявления традиционного сознания или поведения, как отношение двуязычного индивида к языкам (в том числе идиосинкретическое или стереотипное), размер двуязычной группы и ее социокультурная гомогенность или дифференциация, социальные и политические отношения между этими подгруппами, доминирование двуязычных лиц, престиж, отношение к культуре каждого из сообществ, отношение к двуязычию как таковому [3. С. 25]. Наконец, он отмечает, что и само двуязычие может вызывать эмоциональные и идеологические оценки, причем эти оценки могут быть полярными: Переключения с языка на язык и языковое смешение общество может так же порицать, как и любую иную нежелательную черту" [3. С. 145]. Мы намеренно приводим столь объемные цитаты из первоисточника, поскольку затронутые в них вопросы в отечественной социолингвистике в принципе не обсуждались. Эти соображения прежде всего вызывают два резонных вопроса: 1) каковы основные социальные признаки двуязычия в России? 2) каково отношение к двуязычию (или ко второму языку) среди разных групп говорящих на единственном универсальном языке межэтнического общения - иначе говоря, на русском языке? Что касается ответа на первый вопрос, то он весьма красноречиво дан в самых определениях двуязычия, которое по политической конъюнктуре считается свойством нерусских. Более того, в названных трудах обуславливается "необходимость всемерного развития основного типа двуязычия в СССР - национально-русского двуязычия" [4. С. 7-8].

Правда, никакие формулировки ученых трудов не отменяли факта существования русско-национального двуязычия, то есть двуязычия русских, владеющих языками народов России и СССР (а также иностранными языками), и если некоторые языковеды-специалисты по языкам народов России, претендующие на ведущие роли в науке, отказывали в билингвизме самим себе, то это могло характеризовать лишь собственный профессиональный уровень пишущих как специалистов в отношении изучаемых языков, а отнюдь не языковую компетенцию всех иных лиц, не принадлежащих к тому этносу, языком которого они могут пользоваться в общении или профессиональной деятельности. Соответственно, отношение к национально-русскому и русско-национальному двуязычию наряду с конъюнктурными политическими установками можно также рассматривать как один из компонентов ментальности соответствующих языковых коллективов-представителей этнических меньшинств и представителей русского этноса или русскоговорящего сообщества с подразделением обеих групп на монолингвов и билингвов.

Что касается отношения к национально-русскому двуязычию, то есть к способности казахов, татар, бурят, эвенков, нанайцев, чукчей говорить по-русски, то оно всегда было поощрительным как среди русских, так и среди всех этнических меньшинств - тут как бы нет и проблемы. Проблема заключается в том, что для значительного процента этнических меньшинств в настоящее время характерно уже не двуязычие, а русскоязычный монолингвизм, в обиходе именуемый невладением языком своего этноса. Отношение к данному явлению среди русских и шире - русскоговорящих (включая представителей других крупных этносов, пользующихся русским языком) является скорее отрицательным, нежели положительным. На этом фоне странным оказывается то, что внутри этнических меньшинств отношение к данному феномену является нейтрально-безразличным. Эта черта должна считаться национально-российской реалией, и она связана с тем, что знание родного языка не является условием распространения привилегий на индивидуума, принадлежащего к тому или иному меньшинству по паспорту, хотя бы эта принадлежность и основывалась на выборе национальности одного из родителей, а иногда - выборе национальности во втором поколении как национальности одного дедушки или бабушки. Распространение в среде меньшинств народов Севера тех норм, которые характерны для меньшинств Финляндии, США или Канады (где условием этого является знание языка меньшинства), которое было предложено автором в виде социолингвистического эксперимента, вызвало среди коренных жителей Чукотки, причем тех, кто сам владеет своим родным языком, резко отрицательную оценку: "А больше Вы ничего не хотите?" Отношение к русско-национальному двуязычию, то есть к способности русских свободно говорить на каком-то еще языке, хотя последнее и представляет собой экзотику на российской ниве, в разных социумах весьма неоднозначно. Среди русских, даже живущих в полиэтничных регионах, оно обычно нейтральное с уклоном к отрицательному ("Зачем вам знать этот (аборигены говорят "наш") язык?"): даже в профессиональной среде лингвистов-специалистов по языкам народов России свободное практическое владение изучаемым языком не считается большим достоинством. Что касается отношения к этому явлению со стороны этнических меньшинств, то оно любопытным образом поляризовано и распределено по разным социальным группам.

Жители национальных сел, в особенности не владеющие или плохо владеющие русским языком, относятся приветственно даже к ограниченному знанию их языков теми представителями русскоязычного населения, кто поддерживает с ними контакт на производстве или в быту. Свободное владение их языками встречает однозначно поощрительное отношение, и в этом случае проявлением ментальности данного социума оказывается стереотип невозможности овладения языком меньшинства как функционально вторым языком: в настоящее время человек, говорящий на языке малочисленного народа, рассматривается представителями этого народа как соотечественник, или как метис, у которого один из родителей принадлежит к данному народу, в крайнем случае - как уроженец данного региона.

Жители областных и окружных центров, а также диаспоры - представители этнических меньшинств, проживающие вне регионов традиционного проживания этносов (чаще всего в крупных городах), и в особенности, связанные по профессии с изучением или преподаванием родного языка, к носителям русско-национального двуязычия ныне относятся по преимуществу отрицательно. Такое отношение, ставшее правилом российской языковой жизни с середины 70-х годов, обусловлено несколькими причинами. Одна из них напрямую связана с культивируемым характером двуязычия - если социальный заказ диктовал национально-русское двуязычие (двуязычие нерусских) как наиболее прогрессивную форму двуязычия, то билингвы, среди которых подавляющее большинство составляли нерусские, занимали в любом социуме

привилегированное положение и обладали большим по сравнению с другими коммуникационным потенциалом. В связи с этим носители русско-национального двуязычия составляли для представителей меньшинств весьма острую профессиональную конкуренцию - ее следствием и явилась негативная оценка русско-национального двуязычия среди данного контингента. Изменяющиеся социофункциональные характеристики языков меньшинств в России объективно побуждают затронуть еще одну проблему - проблему использования языков меньшинств в функции "тайного языка", Тема "тайного языка", то есть языка, который в двуязычном социуме утрачивает свою основную коммуникативную функцию, без преувеличения является одной из любимых тем социолингвистики. В уже цитированном труде У. Вайнрайха мы читаем: "Устаревающий язык, по-видимому, обречен на то, что ему сообщаются особые коннотации, и он применяется уже в специализированных функциях даже после того, как свою главную, коммуникативную роль он утратит. В условиях быстро развивающейся смены языка он приобретает определенное эзотерическое значение. С другой стороны, первое поколение, при котором происходит смена языка, стремится изучить устаревающий язык в степени, достаточной для того, чтобы лишить его этой роли. Так, многие дети иммигрантов в США "знают" язык родителей ровно настолько, чтобы понимать, что от них пытаются скрыть" [3. С. 161, 180, прим 19]. Аналогичные примеры приводились из жизни россиян до революции: если родители говорили о чем-то в семье на французском языке, то через некоторое время дети без особых затруднений понимали, о чем именно ведут беседу родители (например, так было в семье профессора СПбГУ, филолога-классика А.И. Доватура: устное сообщение Р.А. Гимадеева).

В относительно недавнее время переход с одного языка на другой, конкретно - с языка межэтнического общения на этнически ограниченный язык порицался русскоговорящим большинством, с одной стороны, и принял характер маркированного коммуникативного акта со стороны этнического двуязычного меньшинства. Иными словами, разговор на языке меньшинства в присутствии русскоговорящего большинства вызывал разноплановые отрицательные эмоции последнего, начиная с обыденной ситуации повседневного общения рядовых граждан на улице, в магазине или в служебном кабинете и кончая использованием грузинского языка в общении некоторых членов Политбюро ЦК КПСС между собой, неизменно вызывавшем тревогу остальных присутствующих. Характерной чертой ментальности и поведения повсеместно стало то, что в присутствии посторонних неприлично говорить на языке, непонятном для большинства, или языке, который не имеет статуса языка межэтнического общения. Данный ментальный концепт прочно укоренился в сознании подавляющего большинства русскоговорящих монолингвов и распространился на подавляющее большинство представителей этнических меньшинств. С другой стороны, в коммуникации представителей меньшинств переключение на родной или функционально первый язык стало обычным, и для этого подчас достаточно было одного присутствия кого-либо из "русскоязычных".

Среди представителей малочисленных народов Севера по крайней мере среди лиц среднего поколения (среди лиц более младших поколений настоящие билингвы, способные говорить свободно на двух языках, представляют собой довольно редкое явление) использование родного - чаще всего функционально первого языка в функции "тайного языка" - стало едва ли не нормой. Рассмотрим некоторые типичные ситуации.

В Анадыре, окружном центре Чукотки, часто бывает достаточно одного присутствия кого-либо из посторонних "русскоязычных" представителей приезжего населения, чтобы лица из числа местного населения (чукчи) перешли в личной беседе или разговоре по телефону на чукотский язык. В поведении билингвов в данном случае действует ярко выраженный стереотип: "русскоязычные" не понимают по-чукотски.

Однако несмотря на наличие данного стереотипа, ставшего одним из составляющих ментальности билингов, такое положение часто не соответствует языковой реальности. Многие из "русскоязычных", живущие на Чукотке по 5- 10 лет и более, в особенности те из них, кто приехал на Север в 50-60-е годы XX века, хотя и не владеют чукотским языком активно, но все же неплохо понимают разговорную чукотскую речь иногда ровно настолько, чтобы воспринимать стереотипные устные тексты, сопровождающие общение лиц из "титального" этноса, в особенности тексты телефонных разговоров. Такое знание приобретается довольно легко даже без целенаправленных усилий посредством слушания выпусков новостей национального радио, которые традиционно преподносятся слушателям в адекватном переводе с русского языка. Это знание редко афишируется или демонстрируется, поэтому практика переключения кодов на "тайный язык" чукчами- билингвами не встречает препятствий. Любопытно, что сельские жители, напротив, если они знают, что "русскоязычный" гость понимает их язык или говорит на нем, либо не переходят на родной язык в присутствии гостя-билингва, либо уже не переходят с родного языка на русский язык в общении с таким собеседником или в разговоре между собой при присутствии билингва- русского. Наоборот, наблюдались ситуации, когда билингвы- представители местного населения намеренно приглашали билингва-русского воспользоваться своим знанием местного языка в роли "тайного языка", дабы обсудить что-то в присутствии тех лиц из приезжих, которые были чем-то несимпатичны хозяевам.

В языковом коллективе, где для части лиц переключение с русского языка на конкретный "тайный язык" стало нормой и воспринимается как неизбежная врожденная привилегия этого контингента говорящих, совершенно неожиданный эффект производит переключение кого-либо из говорящих на какой-то третий язык, причем чем более свободной выглядит коммуникация на этом языке, тем более сильный эмоциональный эффект вызывает ее наблюдение. Автору довелось однажды стать участником следующей ситуации, если и не превратившейся в преднамеренный эксперимент, то ставшей ценным наблюдением. Когда автор находился в кабинете в ожидании заказанного междугородного телефонного разговора, в его кабинете намеренно собрались сразу четыре любопытствующие дамы, из коих две представляли местное население (чукотско-русские билингвы), с целью поприсутствовать при разговоре и ознакомиться с его содержанием. Они с удовлетворением услышали приветствие, обмен незначительными фразами, и были явно заинтригованы просьбой пригласить к телефону даму с вполне русским именем Кира. Тут последовал неожиданный для присутствующих переход на английский язык (собеседницей автора была гостья из Канады), сопровождавшийся некоторым увеличением темпа разговора. Сразу же после этого присутствующие одна за другой молча покинули кабинет, последовательно четыре раза нарочито громко хлопнув дверью, и автор был оставлен в одиночестве. В дальнейшем имевшая место ситуация осталась в общении с теми же лицами без комментариев, однако было недвусмысленно ясно, что и чукотско-русским билингвам, и русскоговорящим монолингвам явно не понравилось то, что их "русскоязычный" коллега в совершенстве владеет не только одним из местных языков понимает по-чукотски, но при этом еще и свободно говорит по-английски - привилегия "тайного языка" в данной ситуации была безвозвратно утрачена меньшинством не только на уровне понимания, но и приобретена посторонними на уровне говорения: негативная реакция, что существенно, сопровождает оба обстоятельства. Еще одна любопытная черта современной языковой ситуации у этнических меньшинств – это определенное сожаление по разламывающемуся на глазах "языковому барьеру", который ставило одностороннее двуязычие меньшинств перед "русскоязычными" и превращению большей части представителей меньшинств в русскоговорящих

монолингвов - тем самым возможность использования родного языка в роли "тайного языка" существенно осложняется нарастающим ограничением языковой компетенции младших поколений. В последние 10-15 лет в научный и педагогический оборот активно входит миф о том, что в 50-60-е годы XX века и позднее в северных школах и интернатах "русскоязычные" педагоги запрещали учащимся говорить на родном языке, и это якобы привело к тому, что молодежь забывает родной язык. Такое утверждение с нарастающей частотой повторяется и в специальной литературе [7. С. 19, 51, 97, 150]. Однако подобные утверждения, похоже, не только не соответствуют действительности, но и имеют мало общего с реальностью школы-интерната дальнего национального села (а в недавнем прошлом и районного центра). По нашим наблюдениям, в интернате при школе пос. Биллингс Шмидтовского района Чукотки проживают примерно 20 учащихся-чукчей, при этом в интернате проживает по 2-3 ребенка из одной и той же семьи.

Обслуживающий персонал и воспитатели интерната - в подавляющем большинстве лица коренной национальности (приезжее население представлено педагогами школы, выполняющими работу воспитателей по совместительству). Подобная ситуация свидетельствует о том, что отсутствие языковой среды в интернатах национальных школ, о котором говорилось много в течение длительного времени, является преувеличением. Какой-либо специальной работы по изучению чукотского языка во внеучебное время не ведется, но никаких запретов на пользование чукотским языком в общении никогда не устанавливалось. Это подтвердили нам педагоги, каждый из которых проработал на Чукотке более 30 лет - А.С. Соболюкова (Анадырский район) и Ж.В. Бандина (Шмидтовский район). Они же рассказали, что в 50-60-е годы и учащиеся, и обслуживающий персонал школ сами проявляли желание активно овладеть русским языком. Более того, при наличии среди учащихся значительного числа родственников - братьев и сестер, а также собственных детей учителей и воспитателей коренной национальности подобные запреты так или иначе были бы неэффективными. Проблема понятности или непонятности языка меньшинства в общении "русскоговорящих" и билингвов-представителей меньшинств изредка обсуждалась на глазах автора в нестандартных контекстах, в целом не соответствующих существующей ментальности и наведенным извне нормам поведения. Однажды в национальном селе, в доме, где хозяевами были коряки, собрались гости - местные жители. На вопрос присутствующего тут же автора, почему гости (корякско-русские билингвы) говорят между собой по-русски, а не по-корякски, хозяйка ответила: "Так Вы же не понимаете по-корякски". После разъяснения, что автор относится к этому спокойно и знает несколько сотен корякских слов, хозяйка и гости заговорили по-корякски, но вскоре перешли снова на русский язык, коммуникация на котором представляется им более привычной. Второй раз собеседниками автора была группа женщин-калмычек примерно 35-40 лет, которые говорили между собой по-калмыцки. Одна из них задала автору вопрос: "Вас не смущает, что мы говорим между собой по-калмыцки?". Отрицательный ответ на вопрос удивил собеседниц: "Почему?" Пришлось объяснить: "Во-первых, я привык к тому, что люди говорят друг с другом на родном языке, во-вторых, я немного понимаю калмыцкий язык". После этого женщины продолжали разговор на своем родном языке уже без опасений, что их беседа создает дискомфорт для присутствующего.

Любопытно отметить, что ситуация использования одновременно нескольких языков, которые в равной мере непонятны для большинства присутствующих, не только не создает дискомфорта, но напротив, вызывает положительное отношение. Автору статьи летом 1991 года в селе Гижига Магаданской области пришлось примерно в течение получаса одновременно вести разговор и переводить беседы коренных жителей села - эвенов - с американцами с Аляски, пользуясь по очереди английским и эвенским

языками и не переходя на русский язык. Из присутствующих при этом эвенов далеко не все владели родным языком настолько, чтобы участвовать в беседе, а присутствующие при этом приезжие русские не понимали обоих языков (английского в поселке не знал никто). Тем не менее возможность установления непосредственной коммуникации между говорящими на разных языках выглядит явно более значимой, нежели невозможность воспринимать отдельные сообщения на каком-то из используемых языков.

Билингвизм представителей нерусских народов России неоднороден в возрастном, территориальном и социальном отношениях и существует в широком спектре от подлинного билингвизма, связанного с примерно равным использованием двух языков и примерно одинаковой компетенцией, до весьма слабого владения русским языком, с одной стороны, и почти полного невладения родным языком-языком меньшинства, с другой стороны. Одним из критических состояний языка меньшинства при билингвизме части говорящих на нем выступает переход билингвов (в нашем случае - национально-русских билингвов) на функционально второй для них язык, то есть в России - на русский язык. Вполне понятно, что данный переход не связан с дефектами языковой компетенции и обусловлен либо несоотнесительной престижностью языков (при этом снижение престижа языка собственного этноса наведено извне из среды русскоговорящих при активном посредстве тех же билингвов), либо общими стереотипами коммуникации в полиэтничном социуме. В связи с этим открывается возможность делать любопытные наблюдения при создании ситуации обратного перехода таких лиц на родной язык (теоретически являющийся функционально первым языком). Как правило, такие попытки если и имеют успех, то коммуникация после переключения с русского языка на язык меньшинства осуществляется непродолжительное время, после чего по инициативе представителя меньшинства вновь переводится на русский язык (автор-экспериментатор при этом не испытывал потребности для перехода на русский язык, во-вторых, не имел на это права в рамках задуманного эксперимента). В большинстве случаев причиной перехода с родного языка говорящих на русский язык являлась недостаточная компетенция в родном языке, определенную роль играли стереотипы коммуникации на русском языке, достаточно значимую роль играло и то, что переход на родной язык для представителей меньшинства в наши дни символизирует для них понижение их социального статуса. Пренебрежение к родному языку у меньшинств становится неотъемлемой чертой языкового поведения и языковой ментальности многих представителей этнических меньшинств России, при этом чем выше социальный статус таких лиц (сотрудники администрации, преуспевающие творческие работники), тем выше степень противопоставленности их другим представителям собственного этноса.

Заканчивая настоящую статью, которую мы рассматриваем как своего рода введение к рассмотрению сложной проблемы переключения кодов как компонента языковой ментальности русскоговорящих монолингвов, билингвов и полиглотов, можно сформулировать нижеследующие основные положения.

1. Билингвизм в целом не характерен для русской языковой ментальности. На уровне обыденного сознания владение и пользование языками иных этносов носителями данной ментальности не поощряется и не приветствуется. Владение каким-либо иным языком, кроме русского языка в статусе функционально первого языка, приводит к необратимым сдвигам в ментальности и языковом поведении русско-национальных билингвов и лиц, свободно владеющих иностранными языками. При этом в языковом поведении и в индивидуальном лингвокультурном комплексе таких лиц начинают присутствовать такие черты, которые становятся значимой маркировкой статуса этих лиц.

2. Использование какого-то другого языка в существующем социокультурном контексте, создаваемом русской языковой ментальностью, не приветствуется.
3. "Тайные языки" в русскоговорящем социуме в их широком спектре от условно-профессиональных языков ремесленников и торговцев до воровской "фени" формируются на базе русского языка, хотя и содержат большой объем заимствований из других языков (финно-угорские, тюркские, идиш и др.). Использование языков иных народов в функции "тайных языков" в том полиэтничном языковом континууме, где в функции языка межэтнического общения выступает русский язык, не наблюдается и во всяком случае не является типичной ситуацией.
4. Национально-русский билингвизм стал характерной особенностью коммуникации и языкового поведения нерусских граждан Российской Федерации и стран СНГ. В этой социальной среде такой билингвизм осознается как особое преимущество, повышающее статус личности и открывающее дорогу к тем сферам профессиональной деятельности, которые недоступны для русскоговорящих монолингвов.
5. Использование языка меньшинства в роли "тайного языка" стало яркой особенностью ментальности национально-русских билингвов и одним из стереотипов их вербальной коммуникации. Билингвизм в этом случае в глазах пользователей рисуется как привилегия, позволяющая блокировать от постороннего восприятия существующие каналы коммуникации.
6. Теоретический аппарат отечественной социолингвистики отличается столь высокой степенью адаптации к специфически российской языковой реальности, что его основные понятия подчас невозможно экстраполировать на иные языковые ситуации. Вместе с тем этот теоретический аппарат оказывается недостаточно совершенным для детализированного описания отдельных частных языковых ситуаций в этой языковой реальности. Это, в свою очередь, влечет за собой длинный "хвост" теоретических проблем науки о языке и практических проблем языковой политики. Отдельные понятия, принадлежащие отечественной социолингвистике прошлых лет, характеризуют скорее особенности ментальности пишущих о языке, нежели конкретные языковые понятия.

Список литературы

1. Аврорин В.А. Двужычие и школа // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972. С. 49-62.
2. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М., 1972. С. 25-60.
3. Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев, 1979.
4. Дешериев Ю.Д. Введение // Развитие национально-русского двуязычия. М., 1976.
5. Дешериев Ю.Д. Проблема создания системы билингвистических понятий и вопросы методики ее применения в исследовании // Методы билингвистических исследований. М., 1976. С. 20-33.
6. Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Проблемы сохранения и развития языков. СПб., 1997.
7. Розенцвейг В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М., 1972. С. 5-24.
8. Ханазаров К.Х. Критерии двуязычия и его причины // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972. С. 119-124.